

ПРОЛОГ

Август 1957 года

Его никто не встречал. Стоя четвертым в очереди, он наблюдал, как остальные забирают вещи, распишываются и выходят — до мелочей копируя движения и жесты друг друга. Как будто после бесконечного ожидания нельзя и шага сделать по-своему. За эти годы они все стали одинаковыми.

Личных вещей у него было негусто — только одежда, бумажник и опасная бритва. Ему указали, где расписаться за вещи и за почтовый перевод от отца, и отвели в соседний кабинет переодеться. Из старой одежды он вырос — брюки едва доходили до щиколоток, руки торчали из рукавов как палки.

Он вернулся к столу, сунул в один карман бумажник с квитанцией на перевод, во второй — бритву и принялся ждать. Его провели по коридору, открывая бесчисленные замки. Не глядя на охранников, он пересек двор и оказался у двери в стене, сбоку от основных ворот. Дверь была не заперта, и, толкнув ее, он вышел наружу.

На улице ни души. Главное — держать себя в руках и не раскисать. Он так долго ждал — даже не свободы, а возвращения домой. Когда тебе семнадцать, два года — почти вечность.

В первое мгновение в глазах зарябило от обилия цветов и солнечного света. А еще непривычно было

смотреть вдаль, до самого конца улицы, и провожать взглядом голубую машину, свернувшую за угол.

Казалось, он готов стоять тут бесконечно, вдыхать чистый воздух и смотреть по сторонам, изучать кирпичные стены всех оттенков желтого и коричневого, травинки, пробивающиеся сквозь асфальт, и внимать тишине. Но тут он вспомнил, что за спиной тюрьма и хорошо бы убраться отсюда подальше. А потом подумал, что долгое время не знал ничего, кроме тюрьмы, и вовсе не хочет от нее бежать, но наконец запретил себе думать и зашагал по улице к тому самому перекрестку, где недавно проезжала голубая машина.

Поезд в сторону дома отправлялся с вокзала Виктория, на другом берегу Темзы. Однако прежде надо зайти на почту и получить перевод от отца. А еще Льюис чувствовал себя пугалом в этой одежде и решил купить новую. Предстоящая встреча с семьей — и без того непростое испытание, нужно хотя бы позаботиться о внешнем виде.

При мысли о том, что придется ездить по городу и общаться с незнакомыми людьми, его сковывал страх. Вопреки ожиданиям, в душе Льюис по-прежнему оставался заключенным. Добравшись до вокзала, он остановился через дорогу от входа и стал уговаривать себя войти внутрь.

На небе не было ни облачка. По дороге Льюис купил пару белых рубашек, светло-серый костюм с запасными брюками, сигареты, колоду карт и металлическую зажигалку. Один комплект одежды надел на себя, а для остальных вещей приобрел картонную коробку. Он поставил ее под ноги, вытащил из кармана новых брюк сигареты, закурил, щелкнув новой зажигалкой, и стал собираться с духом.

Ему никогда раньше не приходилось самому покупать себе одежду. Так странно — заработать тюремный срок и не уметь выбрать себе гардероб. Можно и не ехать домой — отец прислал солидную сумку. Не исключено, что он не хочет возвращения сына, но прямо об этом не написал.

Впрочем, мысли о совершенном преступлении и об отце только бередили душу, и Льюис принялся рассматривать прохожих. В глазах по-прежнему рябило от разнообразия цветов. Небо сияло голубизной, на тротуарах зеленели деревья, все женщины казались ослепительно красивыми, и он с трудом сдерживался, чтобы не пялиться в открытую. В груди как будто затрепетала искра жизни, разгораясь в яркое пламя — светлое и радостное, а не зловещее, как раньше. Льюис завороженно провожал взглядом женщин, их легкая, беззаботная походка дарила надежду. Наблюдать, не таращась, было непросто, зато наконец в голове прояснилось, и он снова почувствовал себя живым. Интересно, могут ли арестовать за то, что битый час пялишься на женщин у вокзала Виктория? Представив, как за разделение взглядом его сажают в тюрьму в день освобождения, Льюис решительно зашагал к вокзалу.

Поезд оказался в точности таким, как раньше: ритмичный стук колес, лакированные деревянные панели, жесткие сиденья, местами протертые до блеска. Льюис без колебаний вскочил в последний вагон второго класса и, сев у окна спиной вперед, стал смотреть, как платформа уносится прочь.

Элис знала, что Льюиса скоро освободят. Может, поэтому он так часто ей снился — совсем малышом. Во сне их всегда разлучали или она искала его и не

могла найти. Иногда и она была ребенком, только непонятно — собой в детстве или маленьким Льюисом.

Она лично проследила, чтобы к приезду Льюиса была готова его комната: проветрила, велела Мэри застелить постель и, убедившись, что пыль вытерта, закрыла дверь. Неизвестно, в котором часу его выпустят, письма от него тоже не приходило. Если Льюис не вернется домой, непонятно, где его искать.

Лето выдалось жаркое, окна и двери в сад часто открывали нараспашку. В доме и на улице было одинаково тепло, к тому же ковер нагревался от солнца. Элис зашла в свою комнату, посмотрелась в зеркало, затем спустилась в кухню обсудить с Мэри ужин. После села в гостиной у холодного камина и попыталась читать. Она и сама толком не понимала, ждет или нет.

На вокзале в Уотерфорде было пустынно, как за воротами тюрьмы. Льюис в полном одиночестве спустился по лестнице с платформы. Кроны деревьев нависали над улицей словно куполом, тень от веток падала на асфальт затейливым узором. Льюис шел с опущенной головой и, когда услышал за спиной шум мотора, посторонился, не оглядываясь.

Обогнав его, машина остановилась и стала медленно сдавать назад.

— Привет! А я тебя знаю!

Светловолосая девушка за рулем кабриолета широко улыбалась. Ее звали Тэмзин Кармайл.

— Привет, Тэмзин.

— Я понятия не имела, что ты вернулся!

— Вот только что.

— Залезай в машину! — Льюис не шелохнулся. — Эй, ты спишь?

Он сел на пассажирское сиденье «остина». Тэмзин была в светлом летнем платье и белых укороченных перчатках. Льюис отвел взгляд и стал рассматривать сельские пейзажи вдоль дороги.

— Как ощущения? — непринужденно спросила Тэмзин, как будто он только что забил мяч в крикете. — Честное слово, ты ничего не пропустил. Кэрролайн Фостер вышла замуж, а больше ничего и не случилось. Тебе куда? Домой?

— Если можно.

— Да тут совсем небольшой крюк.

Тэмзин высадила его у подъездной дорожки и, помахав рукой в перчатке, укатила прочь. Вскоре шум мотора затих вдаль. Наверняка она не подозревала, как много для Льюиса значил ее приветливый тон. Однако уже через миг, завидев родительский дом, он напрочь забыл о Тэмзин.

Словно во сне он направился к дому и постучал. Элис немедленно открыла и радостно заулыбалась.

— Льюис!

— Элис... ты знала, что я приеду?

— Мы знали, что тебя сегодня выпускают. Ой, извини. Привет!

Он переступил порог. Элис закрыла за ним дверь. Некоторое время они смотрели друг на друга в плохо освещенном холле, затем она поцеловала его в щеку.

— А ты вырос. Мы не знали, ждать тебя или нет. Ты так изменился. Твоя комната готова!

Льюис отправился наверх, а Элис осталась в холле. В голове роились вопросы. Позвонить ли Гилберту и сообщить о возвращении Льюиса? В самом ли деле Льюис сильно изменился или она просто не помнила, как он выглядит?

Получается, она впустила в дом мужчину. Да еще и незнакомого. Он сидел в тюрьме и неизвестно, что пережил, да и раньше был не особенно предсказуем. Ей стало тревожно, и она задержалась в холле, однако Гилберт уже наверняка ушел с работы и звонить некуда.

Комната Льюиса по размерам почти как его последняя камера в Брикстоне. Ну, может, чуть побольше. Только в камере стены зеленые, а не белые, и он там был не один.

Льюис положил чемодан на кровать, подошел к окну и, закурив, выглянул в сад. В стекло билась навозная муха: то ползала по краю, как будто искала выход, то перелетала к центру стекла, снова возвращалась к краю и замирала, затем снова прыгала на середину и так по кругу. Попытка бегства, неудача и новая попытка.

Из гостиной донесся мелодичный металлический звон: часы на камине пробили шесть.

Элис принялась искать ингредиенты для крющона, который собиралась приготовить ровно к половине седьмого, когда Гилберт возвращается с работы. Она не спешила и начала с чашечки для себя — проверить, получилось ли нужное соотношение джина с лимонадом. Зайдя на кухню за мятой, яблоками и льдом, она попыталась наладить отношения с Мэри. Экономка не знала, что Льюиса выпускают, и его голос в холле застал ее врасплох. Она пришла в ярость и заявила, что не намерена находиться с ним в одном доме. В результате бурной сцены Элис чудом уговорила Мэри не увольняться и теперь ходила за ней по пятам по всей кухне, почти заискивая. Так и не растопив серд-

ца экономки, она захватила мяту и яблоки и вернулась в гостиную.

Услышав, как отец поворачивает ключ в замке, Льюис выскочил на лестничную площадку. Гилберт стоял на пороге с портфелем и в шляпе. Из гостиной вышла Элис. Гилберт снял шляпу и положил на высокий стул у двери.

— Приехал, значит.

— Да, сэр.

— Идем со мной, — тихим, но яростным тоном произнес Гилберт.

— Гилберт!

— Живо!

Льюис спустился по лестнице, вышел из дома вслед за отцом и без единого слова сел в машину.

Гилберт помчал в сторону деревни. Льюис не задавал вопросов, только пытался вспомнить, что собирался сказать. При виде отца все мысли вылетели из головы.

Гилберт притормозил у тротуара. Не решаясь поднять глаза, Льюис уткнулся взглядом в колени. Он собирался дать обещание. Приготовил целую речь — хотел убедить отца, что ему можно доверять, а теперь не мог и посмотреть в его сторону.

— Ну-ка, погляди сюда, — велел Гилберт.

Льюис повиновался.

Перед ними высилась церковь. В мягком сумеречном свете от нее словно исходило тепло и умиротворение.

— Точно такая же, как была, — проговорил Льюис.

— Да, мы очень старались. Желающих участвовать набралось много. Дики Кармайкл здорово помог. Нам всем было важно восстановить прежний вид.

Льюис молча обернулся к церкви.

— Так что? Ничего не хочешь сказать?

Льюис не ответил.

Гилберт завел мотор и рванул с места. По пути домой он не проронил ни слова.

Семья собралась в гостиной за обеденным столом у распахнутого настежь окна. Мэри расставила блюда и ушла домой до утра. Еще не стемнело, и свечи зажигать не стали. Взгляд Льюиса рассеянно блуждал по столу. Обилие всевозможных подставок и емкостей, серебряных, стеклянных и плетеных, действовало почти гипнотически. Он изо всех сил старался не думать о вине, которое Гилберт наливал себе и Элис.

Аромат красного вина смешивался с запахом свежесмытых овощей. Ели молча, если не считать просьб передать соль, и Льюис едва не рассмеялся, внезапно заскучав по шумным тюремным трапезам. Там было почти как в школе, весело и легко, а напряженную тишину за домашним столом он ненавидел. Наверное, с ним что-то не так, раз он готов променять дом на Брикстон.

Гилберт произнес тираду о том, чего они ожидают от Льюиса: вести себя прилично, найти работу, вежливо общаться с людьми и не пить. Слушая отца, Льюис продолжал невидящим взглядом тарашиться на стол.

Элис резко отодвинула стул и, извинившись, вышла из столовой. Льюис с отцом закончили ужин в молчании. Наконец Гилберт отложил нож и вилку, аккуратно вытер губы салфеткой и встал.

— Ну, хорошо.

Он выжидательно посмотрел на Льюиса, однако тот все так же сидел, уткнувшись в стол. Гилберт на мгновение замешкался и вышел в гостиную вслед за Элис.

Вскоре послышался его голос, затем хлопнула дверь. В бутылке на столе ничего не осталось. Льюис бросил

взгляд на боковой столик с напитками. Джина не было, лишь графины с виски и бренди да пара стаканов. Он не пил со дня ареста. А сейчас как раз удобный случай — только протяни руку. К тому же он не давал никаких обещаний, а значит, ничего не нарушит. Глубоко вдохнув, Льюис помедлил, затем вскочил на ноги и, выйдя в распахнутую дверь, решительно зашагал по траве.

В лесу уже сгустились сумерки. За спиной светились окна, но впереди было темно. Вглядываясь в заросли, Льюис как будто услышал шум реки. Как такое возможно? Река гораздо дальше, разве она могла переместиться? При мысли о массе воды, надвигающейся на дом, по спине пробежал холодок.

— Хорошо? — раздался голос над ухом.

Вздвогнув, Льюис обернулся. Он и не заметил, как подошла Элис, и не слышал, о чем она спрашивала.

— Я хотела сказать... в общем, давай попробуем подружиться, хорошо? — Ее голос чуть заметно подрагивал.

— Конечно, — как можно приветливее отозвался Льюис.

— Твой отец... он по тебе скучал.

Льюис был благодарен Элис за поддержку, однако сам думал иначе.

— Плохо было, да?

Он не сразу понял, что речь о тюрьме. Лучше Элис не знать подробностей.

— Бывает хуже.

— Мы тебя ни разу не провели.

Это правда. Поначалу, напуганный и растерянный, он очень страдал без семьи. И даже несколько раз писал домой с просьбой повидаться, но позже решил, что без родственных визитов проще, и забыл о них думать. Или почти забыл.

Элис заставила себя ненадолго замолчать, однако не сдержалась и протянула пальцы к его предплечью.

— С глупостями покончено?

Он отдернул руку.

— Ну и молодец. — Элис чуть смущенно улыбнулась и направилась в дом с туфлями в руках: трава вымокла от росы, и она выходила к Льюису босиком.

Льюис проснулся в темноте в холодном поту и на смерть перепуганный. Снова тот же сон. Усевшись, он уперся ногами в пол, широко открыл глаза и принялся убеждать себя, что все это не о нем и вообще неправда. А даже если правда, то столетней давности, и о ней пора забыть. Этот сон снился ему и в тюрьме, только гораздо реже, чем раньше, — раз в месяц или два, и Льюис надеялся, что навязчивый кошмар скоро пройдет.

Постепенно страх отступал, а вместе с ним и ощущение, что легкие вместо воздуха наполняются водой. Льюис выглянул в окно, выискивая луну, но увидел только черное небо. Он вспомнил, как Элис указала на его руку, и невольно опустил взгляд. Провел пальцами по невидимым в темноте шрамам, зарубцевавшимся и все же относительно свежим, и вновь ощутил себя порочным.

Он подошел к окну и принялся угадывать, что скрывается за размытыми силуэтами. Яблоня, за ней вдаль темный лес. Льюис изо всех сил пытался стоять и не шевелиться, однако им овладело невыносимое беспокойство; если бы он мог, то вылез бы из собственной кожи. Это ведь роскошь, убеждал он себя, встать среди ночи и знать, что никого не разбудишь. Когда угодно подходить к окну без решетки. И тут же подумал: «И что с того?»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1945 год

Гилберта демобилизовали в ноябре, и Элизабет с Льюисом, которому тогда шел восьмой год, поехали встречать его в гостиницу на Чаринг-кросс. Они сели на поезд на Уотерфордском вокзале. Ступенька на входе в вагон была очень высокой, и мама крепко держала Льюиса за руку, чтобы тот не упал. Усевшись, он наблюдал, как станция за окном отдаляется, становясь меньше. Элизабет сняла шляпу и откинула голову на спинку сиденья. Льюису нравилось все — как жесткое сиденье царапает голые ноги и как поезд качается из стороны в сторону. Его переполняло чувство, будто происходит нечто особенное, сокровенное, о чем они с мамой не говорили вслух. Общий секрет преображал все вокруг. Интересно, отец будет в военной форме? А может, даже с настоящим пистолетом? А если с пистолетом, Льюису дадут его подержать? Наверное, не дадут... Впрочем, скорее всего, пистолета у отца нет, и даже если есть, это ведь не игрушка.